

По словам кормилицы, восемь лет назад губернатор Чжуинь по фамилии Шэнь, захватив город Линтин, оказался в окружении последователей демонического пути и не мог вырваться. В критический момент, неизвестно каким чудом, он за одну ночь преодолел ограничения в практике и обрушился на последователей демонического пути Юньяна, словно ураган.

В тот день над городом Линтин взметнулся к небу ярко-бирюзовый свет, прекрасно видимый даже из деревни Ишуй.

После этого праведные заклинатели Юньяна, долгое время пребывавшие в упадке, наконец воспользовались слабостью врага и перешли в решительное наступление, повсюду преследуя приверженцев демонического пути. Те разбежались кто куда, демоны и злые духи воспользовались суматохой, чтобы сеять смуту, и в пределах Юньяна настал полный хаос. Лишь спустя три года непрерывных гонений их пыл удалось немного обуздать.

Когда восемь лет назад Цзи Саньмэй прибыл в деревню Ишуй, там как раз царил хаос и бедствия из-за бродячих демонов. Кто-то воспользовался ситуацией, чтобы устроить человеческое жертвоприношение, а вину свалили на Цзи Саньмэя.

И вот после перерождения первой работой, которую получил Цзи Саньмэй, стало возвращение в ту самую деревню Ишуй, где его когда-то оклеветали.

Неужели это совпадение?

Существует ли какая-то связь между человеческими жертвоприношениями в деревне Ишуй восемь лет назад и нынешним делом с Призрачной колесницей?

Цзи Саньмэй размышлял об этом, куря свою трубку, пока не уснул, всё ещё сжимая её в руке.

Когда Шэнь Фаши вошёл с тазом горячей воды, он увидел Цзи Саньмэя, мирно свернувшегося калачиком в углу кровати.

Он беззвучно вздохнул, вынул трубку из его пальцев, опустил чистое полотенце в воду, выжал, снял с Цзи Саньмэя туфли и носки и осторожно протёр ему ладони и ступни.

Через мгновение Шэнь Фаши принялся расстёгивать пуговицы на груди Цзи Саньмэя — медленно и осторожно. Едва аккуратно подстриженные ногти коснулись его груди, Цзи Саньмэй чувствительно ёкнул, потянулся к Шэнь Фаши, прижав к его телу свои губы, красные и без всякой помады.

Шэнь Фаши наклонился:

— Цзи Саньмэй?

Цзи Саньмэй тихо пробормотал:

— Шэнь... Учитель...

Шэнь Фаши тёплым краем полотенца протёр ему грудь, присел рядом и тихо спросил:

— Спишь?

Цзи Саньмэй ответил сонно:

— М-м... Кровать уже тёплая, учитель, ложитесь.

Сердце Шэнь Фаши дрогнуло. Он нежно обнял его, прикоснулся губами к его тонкой обнажённой ключице, и безымянный палец на его боку сам собой дёрнулся.

Цзи Саньмэй, склонив голову, легонько потерся щекой о его колено. Его розовое личико казалось таким мягким, так и хотелось его помять.

Шэнь Фаши наконец взял себя в руки и продолжил разговор:

— Встанешь, помыться?

— ...Хорошо.

— Сегодня устал?

— ...Сонный.

— Вечером не ел, голодный?

— ...Нет.

— Слышал? Бросай курить.

— Не слышал.

Шэнь Фаши задавал вопросы без особого порядка, выжидая подходящий момент. Когда тот созрел, он собрался с духом и придвинулся к уху сонного Цзи Саньмэя:

— ...Ты правда не помнишь Вэй Тина?

Цзи Саньмэй фыркнул и рассмеялся, покотившись по кровати.

Шэнь Фаши: «...»

Его охватило желание чем-нибудь заткнуть рот Цзи Саньмэю.

Цзи Саньмэй, который ещё когда Шэнь Фаши входил с водой, приоткрыл глаза на щелочку, собиравшись просто тихо наслаждаться ласками, но Шэнь Фаши вдруг выдал такое:

— Учитель... Ой, дайте передохнуть, ха-ха-ха-ха!

Шэнь Фаши: «...»

Он задумчиво уставился на полотенце в своей руке.

Цзи Саньмэй, похоже, не осознавал, насколько опасна его ситуация, и продолжал хохотать без стеснения:

— Ха-ха-ха-ха!

Шэнь Фаши швырнул полотенце, наклонился, обхватил смеющегося Цзи Саньмэя, прижал подбородок к его волосам. Его горячая челюсть мягко терлась о макушку:

— Ещё раз засмеёшься — запрю.

Цзи Саньмэй перестал смеяться. Он поднял глаза, увидел чётко очерченный кадык Шэнь Фаши

и сказал серьёзно:

— Учитель, я вас тоже люблю.

Шэнь Фаши: «...»

Не дав ему заговорить, Цзи Саньмэй тонкими острыми пальцами аккуратно сжал ему губы.

Ногти у Цзи Саньмэя были аккуратно подстрижены, гладкие и полупрозрачные. Из-под них исходил лёгкий запах мыльной воды, но он не мог перебить дурманящий табачный аромат:

— Учитель, я не хочу слышать от вас «нет».

Тут он снова не выдержал, отпустил руку и, уткнувшись в грудь Шэнь Фаши, зашёлся смехом, задыхаясь.

Цзи Саньмэй отлично понимал, чему радуется. Не из-за детских уловок Шэнь Фаши, сравнимых с проделками восьмилетки, а потому что до сегодняшнего дня он и представить не мог, что Шэнь Фаши может испытывать к нему чувства, выходящие за рамки дружбы.

Они встретились у стен города Чжуинь.

А за три часа до их встречи Цзи Саньмэй впервые в жизни самостоятельно приготовил обед — и, к своему удивлению, получилось вполне съедобно.

Щедрое обращение Чжуинь с пленниками и сейчас заставляло Цзи Саньмэя краснеть. Им не только выделили особняк для проживания, но и обеспечили всем необходимым. Слуг и служанок ещё не успели подобрать, поэтому все дела легли на плечи отца с сыновьями.

Цзи Чандянь, с рождения предназначенный быть правителем, привыкший к услугам и давно перешедший порог «бигу», естественно, не стал бы унижаться, чтобы прислуживать сыновьям. Он обычно сидел в своей комнате, пил в одиночестве, сочинял стихи, пел песни — и в его грусти витала кислая затхлость человека, оторванного от мира.

Но отец всё же отец, и оба сына должны были относиться к нему с почтением.

Цзи Саньмэй подогрел отцовское вино, аккуратно поставил его на поднос и вручил четырёхлетнему Цзи Лючэню:

— Отнеси отцу. Смотри, не урони.

Прошло четверть часа, а Цзи Лючэнь всё не возвращался. Цзи Саньмэй решил, что малыш заблудился, и пошёл его искать.

В тот вечер его обоняние было особенно острым.

Он вышел из кухни, наполненной запахом зерна, и пошёл по извилистому, словно кишки, мостику. В пруду с карпами после вчерашнего дождя запах ила стал особенно сильным, а слабый запах рыбьей чешуи усилился в разы. Ещё не дойдя до комнаты отца, он почувствовал резкий запах алкоголя, который горько раздражал горло, — один вдох был словно глоток крепкого вина.

Переступив порог комнаты Цзи Чандяня, Цзи Саньмэй даже подумал, что уже пьян, — пока не увидел отца, чей желудок разорвался от выпивки. Весь стол был залит смесью крови и вина,

которую он изрыгнул.

Он лежал на столе, словно утопленник.

Цзи Лючэнь, сидевший на коленях рядом с отцом, с невинным видом положил руки ему на плечи и посмотрел на Цзи Саньмэя:

— Старший брат, отец не отвечает мне.

Цзи Саньмэй бросился вперёд, вынес Цзи Лючэня из комнаты и лишь на улице почувствовал, как подкашиваются ноги.

Цзи Лючэнь заглянул через плечо Цзи Саньмэя в комнату. Его тонкий голосок звучал невинно, словно у детёныша:

— Старший брат, у отца кровь.

Цзи Саньмэй прижал его маленькую, ничего не понимающую головку к своему плечу:

— Угу. Я посмотрю. Закрой глаза, стой здесь смирно и не двигайся.

Цзи Саньмэй медленно вернулся в эту смертельную картину пира во время чумы и среди хаоса отыскал предсмертную записку отца.

Дрожащими руками он вскрыл сургучную печать, развернул бумагу. Буквы на ней были пропитаны кровью, но красное оставалось красным, а чёрное — чёрным, и их ещё можно было разобрать.

И здесь память Цзи Саньмэя снова предательски обрывается.

Должно быть, он понял, почему отец покончил с собой, — иначе не швырнул бы эту бумагу и не стал бы изо всех сил бить ногами отцовский труп, используя всю силу, на какую способен ребёнок.

В сознание его вернуло то, что Цзи Лючэнь обхватил его за ногу.

Тело отца уже соскользнуло со стола, лежало спокойно, без тени раскаяния или незакрытых глаз.

Цзи Саньмэй подскочил и пнул его:

— Вставай, чёрт возьми! Вставай! Как ты посмел нас бросить? Вставай!

Цзи Лючэнь заплакал. Малыш не мог понять, что происходит, и инстинктивно прижался к единственному источнику тепла в комнате, пытаясь восполнить уходящее тепло:

— Старший брат, мне страшно...

Цзи Саньмэй немного пришёл в себя, раскрыл объятия и обнял Цзи Лючэня:

— Не бойся. Лючэнь, не бойся. Закрой глаза, скорее!